

верующих, овладевая всеми землями Учения Могущественного. Твои слова, Всеведущий Вращающий Колесо Учения сутр и тантр, миллионы подвластных ученых и практиков трех миров ставят во главу угла!» (с. 204).

Надо признать, что в смысле выработки принципов художественного перевода тибетской литературы мы по-прежнему стоим в начале пути. Полагаю, впрочем, что в любом случае стоит избегать в переводе оборотов, которые хотя и точны в отношении оригинального текста, однако могут вызвать улыбку у читателя, не знакомого с образной системой тибетской поэтики, как, например, следующая фраза:

«[И вот,] этот гусь, исполненный отваги бодхисаттвы, не спеша летит к океану Уя и Цзана, дабы принять угощение нектаром благой проповеди» (с. 80). Полагаю, сноска, говорящая, что «гусь в традиционной тибетской литературе является символом чистоты и святости», не сильно спасает положение.

Не могу также не пожалеть о том, что во введении автор не уделил особого внимания стилистике стихотворных фрагментов и вообще стилистике произведения. Пожалуй, это единственный методологический упрек, который я мог бы адресовать автору.

Особая ценность издания, на мой взгляд, состоит в том, что оно впервые позволяет из первых рук, а не из общих описаний, в деталях проследить за перипетиями жизни тибетского монаха, достигшего высочайшего положения исключительно за счет собственных выдающихся умственных качеств, а не за счет того, что он был признан перерождением какого-нибудь ламы. Перед нами разворачивается вся жизнь этого человека с детства и до самой смерти, мы вместе с ним проходим через ее этапы, как типичные для всех тибетских монахов, так и особые, характерные только для высших из них.

Таким образом, благодаря работе Н.В. Цыремпилова в распоряжении отечественных исследователей и просто интересующихся читателей оказался один из наиболее известных образцов тибетской биографической литературы, позволяющий глубже проникнуть в историю и культуру тибетцев. Можно сказать, что книга Н.В. Цыремпилова является достойным продолжением трудов знаменитых представителей российской буддологии, тибетологии и монголистики первой

трети XX в., прежде всего А.И. Вострикова (1904–1937), на чей классический труд по тибетской исторической литературе он неоднократно ссылается. Так восстанавливаются нити, бессмысленно оборванные много лет назад.

А.В. Зорин

И.Р. Гарри. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX — начало XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009, 320 с.

Рассматриваемая монография является важнейшей работой по современной истории Тибета. Она основана на большом количестве источников на китайском и английском языках, включая малоизвестные архивные материалы (эти источники подробно охарактеризованы во введении к книге). Ценные сведения автор, И.Р. Гарри, занимающаяся проблемами современного социально-экономического положения Китая, прежде всего его национальных окраин, получила также в ходе нескольких поездок по тибетским регионам КНР, Непалу и Индии.

В своей книге И.Р. Гарри обстоятельно анализирует основные события тибетской истории начиная с конца 1940-х гг., когда Народно-освободительная армия коммунистического Китая заняла восточные регионы территории, традиционно населенные тибетцами, и вплотную подошла к границам Центрального Тибета, контролировавшегося правительством Далай-ламы. Периодизация этих основных событий соответствует первым пяти главам книги: «Инкорпорация Тибета в состав КНР (1949–1951)», «Исполнение Тибетом и Китаем Соглашения из 17 пунктов (1951–1959)», «„Демократические“ реформы в Тибете (1959–1966)», «Культурная революция (1966–1976)», «Реформы в Тибете: стабильность и/или развитие? (1976–2001)».

В первой главе И.Р. Гарри убедительно показывает, что подписание в 1951 г. Соглашения из 17 пунктов, которое «впервые в истории однозначно определило статус Тибета как части Китая», было неизбежным. В ситуации, когда китайская армия была готова в любой момент начать наступление на Центральный Тибет, а мировые державы, на помощь которых рассчитывали тибетцы (Великобри-

тания, Индия и США), отказались признать независимый статус Тибета и оградить его от агрессии, — подписание документа, который гарантировал широкую автономию с сохранением всех институтов старой власти, но в составе КНР, являлось единственной альтернативой войне, в которой у тибетцев, упустивших вследствие внутренней борьбы за власть возможность создать боеспособную армию, заведомо было очень мало шансов на победу. Наиболее интересно описание процесса переговоров между тибетской делегацией и китайскими властями по поводу текста Соглашения. Делегации пришлось взять на себя ответственность за выработку конечного текста, поскольку согласовывать его с Лхасой было невозможно из-за крайней медлительности лхасских чиновников, не понимавших всей сложности ситуации, в которой оказался Тибет, и настаивавших на затягивании переговоров.

Вторая глава раскрывает причины, приведшие к восстанию тибетцев 1959 г. В период с 1951 по 1959 г. обе «стороны — социалистический Китай и теократический Тибет — сделали попытку существования в рамках обоюдно подписанного Соглашения» (с. 107). Китайская центральная власть и лично Мао Цзэ-дун требовали от китайских военных и чиновников, обосновавшихся в Тибете, не форсировать ситуацию, а попытаться закрепиться и расширить влияние среди местного населения. Тем временем в Восточном Тибете, районах Амдо и Кам (Кхам), на которые не распространялись положения Соглашения, коммунистические преобразования осуществлялись без оглядки на местные нормы и обычаи. Это привело к широкому народному сопротивлению со стороны тибетцев, на подавление которого была направлена армия. В Центральный Тибет хлынул поток беженцев, которые стали подогревать недовольство местных жителей, в своем большинстве воспринимавших китайцев как иностранцев, силой установивших контроль над их страной. Далай-лама, мнимая угроза жизни которого стала поводом для восстания, не видя другого пути остановить кровопролитие, покинул Лхасу и бежал в Индию. Силы восставших и НОАК были неравны. Подавив сопротивление, китайская власть фактически отказалась от соблюдения условий Соглашения из 17 пунктов и распространила жесткие методы насаждения «демократических» ре-

форм на весь Тибет. Как отмечает автор, «в рассматриваемый период 1951–1959 гг. в китайском руководстве... преобладал реалистический подход к тибетской политике, направленный на сближение с тибетской правящей элитой, через сотрудничество с которой предполагалось постепенно интегрировать Тибет в состав многонационального Китая. Но упорное неприятие существующего положения вещей с тибетской стороны вкупе с натиском приверженцев жесткой линии с китайской исключало на данном этапе возможность компромисса, что и привело к неизбежному финалу» (с. 108).

В заключении к третьей главе автор пишет: «Восемь лет реформ в Тибете (1959–1966 гг.) без преувеличения „опрокинули небо и перевернули землю“. По теории китайской историографии, „демократические реформы способствовали превращению феодально-крепостной системы собственности в индивидуальную собственность трудового народа. Период урегулирования позволил осуществить социалистические преобразования сельского хозяйства, скотоводства и ремесленного производства, перепрыгнуть через капиталистическую фазу и вступить на путь социализма“... Другими словами, Тибету потребовалось всего восемь лет на то, чтобы из феодализма, минуя капитализм, „прыгнуть“ в социализм» (с. 154). Этот прыжок дался тибетцам дорогой ценой. Репрессии против участников восстания («По некоторым данным, между мартом 1959 и сентябрем 1960 г. было убито 87 тыс. тибетцев, арестовано 25 тыс., в течение года, начиная с 1959 г., за границу бежало в общей сложности около 80 тыс. человек» (с. 125)), повсеместное закрытие монастырей, насильственное размонашивание, поругание древних тибетских святынь, кампания по дискредитации Панчен-ламы, который осмелился подвергнуть критике политику местных властей в Тибете, голод и обнищание деревни, вызванные неразумной политикой как центральной, так и местной власти, — вот неполный перечень явлений, сопровождавших «демократические реформы» в «освобожденном» Тибете.

Однако своего апогея политика подавления национальной тибетской культуры и тибетского этноса в целом достигла в годы «великой пролетарской культурной революции», которой посвящена четвертая глава исследования. Автор подробно останавлива-

ется на внутренней фракционной борьбе между местной властью в Тибете и хунвэйбинами, прибывшими из центрального Китая для борьбы с «пережитками прошлого» и насаждения подлинно прогрессивных форм культуры и общественной организации. Ситуация балансировала на грани гражданской войны, в которой, правда, большинству населения отводилась роль статистов. В эти годы были введены запреты на ношение традиционной одежды, на народные праздники, танцы, исполнение религиозных обрядов, даже на естественное использование родного языка — «появился так называемый „тибетско-китайский язык дружбы“, представлявший смешение двух языков с непонятными для большинства тибетцев грамматикой и лексикой» (с. 162). Подрыв религиозной культуры, начатый в предыдущий период, в эти годы осуществлялся с особым рвением: к 1965 г. было разрушено 80% от общего числа монастырей, а к 1976 г. в Тибетском автономном районе (образованном в 1965 г.) осталось лишь 8 монастырей и 800 монахов (см. там же). Сами монастыри и храмы варварски уничтожались, хранившиеся в них ценности были разграблены. «Разрушению подверглись даже главные монастыри Тибета: Дрепун, Сэра и Гандэн. Гандэн, первый гелупинский монастырь, основанный Цзонхавой, взрывали динамитом. Через три года после начала „культурной революции“ „весь тибетский пейзаж представлял собой руины, напоминая разбомбленные города“» (с. 163). Насильственная организация коммун, грабительские условия оплаты труда, стихийные бедствия усугубили экономическое положение простых людей, вновь вспыхнул голод, продолжившийся пять лет, с 1968 по 1973 г. Лишь смерть Мао Цзэ-дуна положила конец «десятилетию бедствий», которое сотрясло до основания весь Китай и «нанесло самый сокрушительный удар по тибетцам и их культуре» (с. 177). Вывод автора относительно долгосрочных перспектив сино-тибетских отношений неутешителен: «„Культурная революция“ воспринимается тибетцами как уничтожение тибетского образа жизни и их этнической идентичности и своими последствиями имела болезненный, трудноразрешимый конфликт на этнической и религиозной почве» (там же).

До некоторой степени ущерб, нанесенный Тибету в годы правления Мао Цзэ-дуна, был

компенсирован в период реформ, начавшийся в 1976 г. Ему посвящена пятая глава книги, в которой подробно рассматриваются вопросы экономического, социального, культурного развития Тибета. Автор критически анализирует действия официального правительства по развитию экономики и социальной структуры Тибета, возрождению его самобытной культуры, особенно религиозной ее составляющей, во многом определяющей этническое самосознание тибетцев. Наряду с несомненными достижениями (развитие инфраструктуры, социального образования и медицины, восстановление монастырей, поддержка тибетского языка, полномасштабное издание тибетской литературы и т.д.) отмечаются факторы, мешающие признать в полной мере успешными действия китайских властей в Тибете. Последние вкладывают огромные средства в регион, однако главным выгодоприобретателем от этих вложений выступает тибетское чиновничество. «В результате Тибет продолжает оставаться регионом с самым высоким уровнем бедности среди сельского населения. Фактически получается, что тибетцы оказываются вне рамок стремительно растущего государственного сектора экономики Тибета, который существует как бы сам по себе. Он не затрагивает сельское население, составляющее более 80% тибетцев, 15% образованных тибетцев заполняют административные и профессиональные ниши правительственного сектора и получают самую высокую в стране заработную плату» (с. 196). Реальный сектор экономики развивается очень слабо, «зависимость экономики от центральных субсидий и инвестиций все больше углубляется и становится негативным фактором современной ситуации в Тибете» (там же). Кроме того, «в Тибете самые слабые показатели в области образования по всей стране: 45,5% тибетцев никогда не учились в школе, то есть являются фактически неграмотными» (с. 209). Нельзя не отметить также, что возрождение религии привело к росту национализма среди тибетцев, и это, в свою очередь, заставило власти частично вернуться к политике запретов и репрессий. Как констатирует автор, концепция развития, на которую делает ставку китайская власть, входит в противоречие с концепцией этнической стабильности, которое порождает конфликты «„модернизация — традиционализм“, „социализм —

буддизм“, „единство — сепаратизм“ и т.д. Разрешение дилеммы „развитие — стабильность“... в основе которой лежит религиозный вопрос, — самая трудная задача правительства КНР, успешное разрешение которой будет означать разрешение тибетского вопроса в целом» (с. 218).

Шестая и седьмая главы книги посвящены истории диалога/противостояния между тибетским правительством в изгнании во главе с Далай-ламой и центральным правительством КНР («Сино-тибетский диалог: проблемы и перспективы») и перспективам разрешения тибетского вопроса («Тибетская автономия: реальность и будущее»).

В заключении к первой из них автор пишет: «С одной стороны, нельзя не отметить несомненный успех тибетской стороны в обретении международной поддержки на всех уровнях, включая официальный. Давление на КНР со стороны мировой общественности, безусловно, не остается без внимания в Пекине. Но оно не помогает разрешить проблему или хотя бы смягчить позицию центральных властей, а, наоборот, подрывает позиции сторонников этнически направленной политики и идет на руку приверженцам жесткой линии, политические действия которых несут потенциальную угрозу тибетской культуре» (с. 261–262).

Именно о последних идет речь в начале седьмой главы книги. Автор констатирует, что смягчению китайской позиции мешает местная власть, в которой наряду с китайцами тон задают тибетцы, выдвинувшиеся в 1960–1970-е гг. и не заинтересованные в диалоге с тибетской диаспорой и предоставлении широкой автономии Тибету, на которой настаивает Далай-лама. «Высший кадровый состав Тибетского автономного района всегда был и продолжает оставаться самым консервативным (левым) звеном руководства КПК... Примечательно, что из семи первых секретарей парткома ТАР, с 1980 г., шестерых можно причислить к приверженцам жесткой линии, за исключением У Цзинхуа, единственного неханьца, принадлежавшего к национальности и» (с. 269). Интересно, что Ху Цзинтао, нынешний председатель КНР, при котором жесткая линия в отношении Тибета вновь обрела четкие очертания, также два года возглавлял партком ТАР, пока не был призван в Пекин. Следует отметить, что

не только должность первого секретаря парткома ТАР, фактически правителя региона, но и другие ключевые посты в подавляющем большинстве занимают назначенцы из Пекина, этнические китайцы. Поэтому лукавой выглядит статистика, согласно которой в 1996 г. количество кадровых работников тибетской национальности и других нацменьшинств составило 73,88%. Реальной власти в своей стране тибетцы до сих пор не имеют. Во второй части этой главы представлены различные концепции подлинной тибетской автономии в составе КНР: одна из них предложена Далай-ламой, другие сформулированы китайскими интеллектуалами, как центристами, так и либералами. Ни одна из них не может быть реализована при нынешнем жестком курсе, который все глубже заводит ситуацию в тупик. Автор заключает свою работу словами знаменитого американского тибетолога М. Голдстейна: «Тибетский вопрос достиг опасного поворотного пункта, и дело остается за политиками, которым решать, следует ли прислушаться к голосу разума, раздающемуся все более настойчиво, или продолжать конфронтацию, последствия которой могут стать разрушительными» (с. 293).

Полагаю, краткое описание глав книги дает представление о том, насколько логична и выверена ее структура. Методология исследования также не вызывает нареканий, за исключением двух сомнительных моментов. Во-первых, в конце пятой главы автор рисует довольно идиллическую картину жизни тибетцев Восточного Тибета, которую она наблюдала лично осенью 2008 г.: «Дома жителей, административные здания, школы, больницы, монастыри — все заново отстроены или полностью отреставрированы... Все историко-культурные и религиозные объекты, посещенные экспедицией, полностью отреставрированы и находятся в прекрасном состоянии. Население свободно исполняет религиозную деятельность, монастыри и храмы проводят службы и ритуалы. Фотографии Далай-ламы можно обнаружить почти в любом доме... Тибетская культура, развитие которой особенно поощряется правительством КНР, возродилась в Кхаме. Телевидение на всех тибетских диалектах, песни, танцы, национальные костюмы, традиционные обычаи, праздники, разговорный язык — все это воочию наблюдается в Кхаме» (с. 217). Эта

картина сильно дисгармонирует с общим повествованием, которое прежде всего касается ситуации в ТАР, куда Восточный Тибет не входит, вследствие чего возникает вопрос: расцвет культуры, засвидетельствованный автором в этом регионе, является особенностью только последнего и, если это так, почему иначе дело обстоит в других областях этнографического Тибета? Вопрос повисает в воздухе и приобретает особую остроту при чтении следующей главы, в которой приводится подробная хронология событий 2008 г. вокруг Олимпийских игр в Пекине, вскрывающих большой уровень межнациональной напряженности в Тибете. Эта хронология, занимающая десять страниц, также вызывает сомнения, поскольку многие события, включенные автором в повествование, уже два года спустя выглядят утратившими актуальность.

Но главная претензия к книге лежит не в области содержания, а в области русского языка. К сожалению, в тексте нередки стилистические погрешности, неправильные согласования слов, ошибки в словоупотреблении и т.д. Особенно это свойственно многочисленным переводам цитат из документов и исследований, сделанным с китайского и английского языков и очень часто страдающим буквализмом. Приведу лишь несколько примеров:

«Но когда началось осуществление, методы раз за разом становились все более неистовыми, получились огромные перегибы, такие, как желание ускорения и поверхностное исполнение; границы стали расплывчатыми, а защита недостаточной» (с. 139).

«Китай растет как могущественное государство благодаря ее огромному экономическому прогрессу... В этом году китайский народ с гордостью и рвением ждет открытия Олимпийских игр» (с. 250).

«Это заявление воодушевляет в то время, когда возрос скептицизм в искренности Китая разрешить тибетский вопрос посредством диалога» (с. 256).

Полагаю, вину за эти несущественные для сути дела, но все же досадные погрешности должна в полной мере разделить с автором редактор Э.Ц. Цыбенова, которой, очевидно, недостает квалификации для работы с книгами, выходящими под грифом РАН.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что выход книги И.Р. Гарри является

важной вехой в развитии отечественной тибетологии. Ее взвешенное исследование, критическое в отношении как официальной китайской пропаганды, так и в отношении недостоверных сведений, на которые опирается тибетская сторона в своей полемике с Пекином, будет интересно и полезно не только тибетологам, но и китаистам, политологам, обществоведам. Вопросы, поднимаемые в книге, чрезвычайно важны и для российского общества, так как проблема сохранения национальных особенностей при объединении людей различных этносов в единую политическую нацию стоит в России очень остро.

А.В. Зорин

Отклик на статью В.В. Емельянова «О происхождении Энкиду в аккадском эпосе (к интерпретации Gilg. Ep. I ii 35-35a)» // Ассириология и египтология. СПб., 2004, с. 86–97.

Откликаться на эту небольшую публикацию не имело бы смысла, если бы в ней автор не позволил себе усомниться в точности перевода отрывка из эпоса о Гильгамеше нашего выдающегося ученого-древневосточника Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999). Помимо всего прочего, И.М. Дьяконов является автором первого и до сих пор единственного на русском языке полного научного издания эпоса о Гильгамеше, древнейшего в мире записанного эпического произведения¹. Впервые опубликованная в академической

¹ Фрагменты шумерского текста сказаний о герое Гильгамеше (исторический Бильгамес, XXVIII в. до н.э., шумерский правитель г. Урук, соврем. Варка) датируются концом III тыс. до н.э., к тому же времени относятся древнейшие сохранившиеся записи аккадской версии поэмы. От II тыс. до н.э. из Сиро-палестинского региона (Угарит, совр. Рас-Шамра, Эмар, совр. Тель-Мескене) и Малой Азии дошли отрывки «периферийной» аккадской версии, а также фрагменты ее переводов на хурритский и хеттский языки.

Окончательная редакция, т.н. «Стандартный вавилонский эпос» (Standard Babylonian epic), или «ниневийская» версия, на аккадском языке называвшаяся по первой строке *ša naqba imuru* «Тот, кто видел исток(и)», состоит из 12 таблиц и датируется VIII–VII вв. до н.э.: около половины всех списков, которых более 70, происходит из библиотеки ассирийского царя Ашшурбанипала (правил в 668–627 гг. до н.э.) в Ниневии (соврем. Куонджик).